



ЮССИ
АДЛЕР-ОЛЬСЕН

СЕДҒИ



Москва
2020

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44
А31

Jussi Adler-Olsen

SELFIES

© Jussi Adler-Olsen 2016 by agreement with JP/Politikens Hus A/S,
Denmark & Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

Адлер-Ольсен, Юсси.

A31 Селфи / Юсси Адлер-Ольсен ; [перевод с датского
В. В. Жигановой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с.

ISBN 978-5-04-097228-9

В копенгагенском парке найден труп пожилой женщины, убитой ударом в основание черепа. На первый взгляд заурядное ограбление, преступник не рассчитал силы... Однако это дело внезапно заинтересовало вице-комиссара полиции Карла Мёрка. Конечно, «свежие» преступления — не его забота, ими занимается убойный отдел, а сотрудники отдела «Q» ворошат давние «висяки»... Но выяснилось, что точно такое же убийство — до мельчайших деталей — произошло более 10 лет назад; только тогда погибла молодая женщина. Преступника найти не удалось. Что это — случайное совпадение или продолжение кровавого сериала? Новый вызов для Мёрка и его команды...

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-097228-9

© Жиганова В.В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Благодарности

Спасибо моей супруге и родной душе Ханне за фантастическую поддержку и одобрение и в не меньшей степени за неординарные комментарии.

Спасибо Линде Люкке Лундгорд за мастерскую пронизательность и вдохновение в выборе темы произведения.

Спасибо Хеннингу Куре за профессиональную вычитку текста и молниеносную предварительную редактуру.

Спасибо Элисабет Алефельдт-Лаурвиг за «щупальца спрута», незаменимые при поиске информации, и за невероятную находчивость.

Также спасибо Элсебет Уэренс, Эдди Кирану, Ханне Петерсен, Мику Шмальстигу и Карло Андерсену за искусную корректуру.

Выражаю особую благодарность моей незаменимой и удивительной коллеге и энтузиастке из издательства «Политикенс форлаг», редактору Анне С. Андерсен, за лояльность, острый глаз и тотальную бескомпромиссность.

Благодарю Лене Йууль и Шарлотту Вайсс из «Политикенс форлаг» за неиссякаемую веру, надежду и терпение. Благодарю Хелле Скоу Вачер за осуществление связей с общественностью.

Спасибо Гитте и Петеру К. Раннес, а также Датскому центру авторов и переводчиков «Хальд» за оказанное гостеприимство.

Спасибо комиссару полиции Лайфу Кристенсену за исправления, касающиеся работы полицейских.

Спасибо Къельду С. Скьербэк за упрощение и скрашивание повседневной жизни.

Спасибо Ниа Гульдберг за многолетнее сотрудничество, а также Руди Расмуссену за то, что согласился взять на себя некоторые из моих обязанностей.

Спасибо Лауре Руссо и ее чудесным коллегам из Бильбао, Мадрида и Барселоны за помощь в решении возникающих проблем.

Выражаю признательность Йохану Даниэлю «Дану» Шмидту и Даниэлю Струеру за мастерское IT-обслуживание моего проекта.

Спасибо Бенни Тёгерсену и Лине Пиллора за возможность осуществлять творческий процесс в Рёрвиге в обновленной обстановке.

Спасибо Оле Андерсену, Абелоне Линд Андерсен и Пелле Дреслер за замечательную экскурсию по сталепрокатному заводу и за рассказ о рабочих процессах, там осуществляемых. Спасибо Тине Райт, Зайнап Хольм и Эрику Педерсену за дополнительные подробности.

Спасибо Еве Маркуссен за экскурсию по жилому комплексу «Сандальспаркен».

Спасибо Малене Торуп и Сесилии Петерсен из миграционной службы.

*Посвящается нашей прекрасной
барселонской «семье» —
Олафу Слотт-Петерсену,
Аннетте Меррильд,
Арне Меррильду Бертельсену
и Микаэлю Киркегору*

Пролог

Суббота, 18 ноября 1995 года

Она понятия не имела, сколько времени пинала мокрую старую листву в саду, но чувствовала, как сильно успели замерзнуть голые руки. Крики, доносившиеся из дома, звучали настолько пронзительно, злобно и жестоко, что у нее защемило в груди. Чуть раньше она просто-напросто разревелась бы, но теперь ей совсем не хотелось плакать.

«От рыданий у тебя появляются морщины на щеках, а это смотрится уродливо, Доррит», — сказала бы ей на это мать. Она частенько напоминала дочери об этом досадном обстоятельстве.

Доррит взглянула на широкие темные следы, оставленные ею на усыпанной листвой лужайке, и в очередной раз принялась пересчитывать стекла в дверях и окнах дома. Она прекрасно знала результат, но надо же было как-то потянуть время. Две двойные двери, четырнадцать больших окон, четыре продолговатых подвальных окна — если считать каждое стекло в отдельности, получается сто сорок две штуки.

«Вот как хорошо я умею считать! Единственная в классе!» — с гордостью подумала она.

Вдруг она услышала скрип петель подвальной двери в одном из флигелей, а этот звук редко предвещал что-то хорошее.

— Я никуда с ней не пойду, — прошептала она сама себе, увидев, как из подвала поднимается горничная и направляется напрямиком к ней.

Обычно она забиралась поглубже в заднюю часть сада, заросшую кустами и погруженную во мрак, и сидела в убежище, не проронив ни звука, бывало, целыми часами, однако на этот раз горничная оказалась проворной и жестко вцепилась ей в запястье.

— Доррит, не слишком-то умно с твоей стороны болтаться по саду в таких дорогих ботинках. Фру Циммерманн придет в ярость, когда увидит, как ты их загваздала. Ты же знаешь.

* * *

Она стояла перед диваном в носках, ощущая неловкость, потому что обе женщины уставились на нее так, словно не догадывались, зачем она пришла в гостиную.

Свирепое выражение бабушкиного лица предвещало вспышку гнева, лицо матери было искажено рыданиями. Именно от такого уродства ее и оберегала мать, запрещая плакать.

— Только не сейчас, Доррит, мы разговариваем, — сказала мать.

Доррит огляделась.

— Где папа?

Женщины переглянулись. На мгновение мать напомнила ей перепуганного зверька, загнанного в угол. Причем уже не в первый раз.

— Побудь в столовой, Доррит. Там лежит несколько номеров «Фамилиен журнален», можешь полистать, — строго произнесла бабушка.

— Где папа? — повторила Доррит свой вопрос.

— Поговорим об этом потом. Он ушел, — отчеканила бабушка.

Доррит нерешительно отступила назад, не упустив из виду жест, адресованный ей бабушкой. «Да уйди же ты наконец!» — молча приказывала та.

С таким же успехом она могла бы остаться в саду.

Массивный обеденный стол в столовой еще был уставлен тарелками с затвердевшими кусочками цветной капу-

сты и недоеденными котлетами. Вилки и ножи лежали на скатерти, запачканной вином из двух опрокинутых хрустальных бокалов. Тут все было совсем не так, как всегда. И Доррит уж точно не хотелось здесь оставаться.

Она направилась в прихожую, откуда в разные помещения дома вело множество высоких мрачных дверей с потертыми ручками. Большой дом делился на несколько частей, и Доррит, кажется, знала тут каждый уголок. Второй этаж пропитался запахом бабушкиных пудр и духов, который так сильно въедался в одежду, что продолжал отчетливо ощущаться, даже когда Доррит возвращалась с матерью домой. Наверху, в струящемся из окон потоке света, не было ничего интересного.

Зато она чувствовала себя очень комфортно на первом этаже заднего флигеля. Кисловато-сладкий табачный запах исходил от задернутых гардин и громоздкой мебели, какой Доррит нигде больше не встречала: большие пухлые кресла, в которые можно было забраться целиком, поджав под себя ноги, диваны, обитые коричневым бархатом и украшенные черными резными боковинами. Тут были дедушкины владения.

Час назад, до того как отец начал спорить с бабушкой, все они впятером уютно сидели за обеденным столом и Доррит думала о том, что этот день обернется вокруг нее теплым одеялом.

Но внезапно отец как-то неудачно высказался, от чего бабушкины брови немедленно взлетели на лоб, а дедушка поднялся и вышел из-за стола.

— Сами разбирайтесь, — бросил он, подтягивая лавсановые брюки, и удалился. Именно тогда ее и отправили в сад.

Доррит осторожно толкнула дверь в его кабинет. Вдоль стены стояли два коричневых комода, на которых размещались открытые коробки из-под обуви с образцами материалов. У противоположной стены стоял дедушкин резной письменный стол, полностью заваленный бумагами, исчерченными синими и красными линиями.

Здесь запах табака был особенно резким, хотя дедушки не оказалось в этой мрачной комнате. Похоже, табачный

дым исходил из угла, где из щели между книжными полками вырывалась узенькая полоска света, разделяя письменный стол на две части.

Доррит подошла поближе, чтобы посмотреть на источник света. Это было любопытно — узкая щель между полками открывала неведомый мир.

— Ну что, они уже ушли? — услышала она ворчание дедушки откуда-то из-за стеллажей.

Доррит протиснулась сквозь щель в комнату, которую раньше никогда не видела. Там, в старинном кожаном кресле с подлокотниками, у длинного стола сидел дед, склонившись и внимательно рассматривая что-то, но она никак не могла разглядеть, что именно.

— Ригмор, это ты? — раздался его характерный голос. «Он никак не может избавиться со своего немецкого акцента», — часто с раздражением говорила мать, но Доррит нравилась его манера речи.

Обстановка в этой комнате сильно отличалась от той, что царила в остальном доме. Здесь стены не пустовали, а были увешаны большими и маленькими фотографиями, на которых, если приглядеться, в разных обстоятельствах был изображен один и тот же человек в униформе.

Несмотря на плотную завесу табачного дыма, помещение казалось светлее, чем обычный кабинет. Дед просто сидел и отдыхал, засучив рукава, и Доррит обратила внимание на длинные толстые вены, тянувшиеся вдоль предплечий. Его движения были спокойными и расслабленными. Он бережно переворачивал фотографии и очень внимательно рассматривал их, поднося вплотную к глазам. Это показалось Доррит настолько умильным, что она не удержалась от улыбки. Однако, когда в следующий миг он резко развернул кресло и обратил на нее взгляд, Доррит обнаружила, что его всегдашняя добродушная улыбка исказилась и застыла, словно ему в рот попало что-то горькое.

— Доррит?! — воскликнул он и привстал, широко распахнув руки, как будто хотел загородить от нее то, чем был поглощен секунду назад.

— Прости, дед. Просто я не знала, куда мне деваться. — Она повернулась лицом к фотографиям, висевшим на стене. — По-моему, этот человек похож на тебя.

Он внимательно смотрел на нее, словно размышляя над тем, что ответить, а затем взял ее за руку, подтянул поближе и усадил к себе на колени.

— Вообще-то, тебе не положено здесь находиться, потому что это дедушкина потайная комната. Но ты уже тут, так пусть будет так. — Он кивнул на снимки на стене. — О да, Доррит, ты права. Это действительно я. Тогда я был молод и воевал солдатом на стороне Германии.

Доррит кивнула. В униформе он выглядел здорово. Черная каска, черный мундир, черные галифе. Все черное. Ремень, сапоги, кобура на поясе, перчатки. На этом черном фоне резко выделялась «мертвая голова» и улыбка, обнажающая белоснежные зубы солдата.

— Так ты был солдатом, дедушка?

— Именно. Сама можешь посмотреть на мой пистолет вон там на полке. «Парабеллум ноль восемь», он же пистолет Люгера. Мой лучший товарищ на протяжении многих лет.

Доррит посмотрела на полку, выпучив глаза. Там лежал серо-черный пистолет, рядом с ним — коричневая кобура. Также там лежал узкий нож в ножнах и еще какой-то предмет, о назначении которого она не знала; он был похож на битую для лапты, к которой прикрепили с одной стороны железную банку.

— И этот пистолет действительно стреляет? — удивилась Доррит.

— Да, он стрелял много раз, Доррит.

— Неужели ты вправду был настоящим солдатом, дед?

Он улыбнулся.

— Да-а, твой дедушка был храбрым лихим солдатом, на счету которого множество славных деяний времен Второй мировой войны. Так что ты можешь по праву им гордиться.

— Второй мировой?

Он кивнул. По представлениям Доррит, в войне не могло быть ничего хорошего. Никаких поводов для улыбки.

Она немного приподнялась и, заглянув за спину деда, попробовала подсмотреть, чем он занимался, когда она вошла.

— Найн, на эти фотографии тебе не стоит смотреть, Дорритхен, — сказал он, положив руку ей на шею и отворачивая ее от стола. — Быть может, когда-нибудь, когда ты вырастешь... А детям нечего на них глазеть.

Она кивнула — и все же вытянула шею на несколько сантиметров. На этот раз дед ей не помешал.

Ее взгляд упал на длинную полосу, состоявшую из черно-белых кадров: на первом из них ссутулившегося мужчину тащили к ее дедушке, который на следующих снимках поднимал пистолет и стрелял в шею этому мужчине.

— Вы ведь с ним просто играли, дед, да? — очень осторожно спросила она.

Тот нежно взял ее за подбородок и повернул голову, заглянув ей прямо в глаза.

— Война — не игра, Доррит. Врагов приходится убивать, чтобы они не убили тебя первыми, — ты же понимаешь это, правда? Если б твой дедушка тогда не защищался до последнего, не сидеть бы нам сегодня здесь, верно?

Она медленно покачала головой и вновь потянулась к столешнице.

— И все вот эти люди хотели тебя убить?

Ее взгляд скользил по разноформатным фотографиям, о которых она не знала что и думать. Это были жуткие картины: люди, падавшие, как подкошенные, мужчины и женщины, висевшие на веревках, одного мужчину били по шее огромной дубиной. И на всех снимках ее дед неизменно стоял рядом.

— Да, хотели. Они были злобными и омерзительными тварями. Но тебе не стоит об этом беспокоиться, кисуня. Война давно окончена, а новой войны никогда не будет, это дедуля тебе обещает. Все закончилось тогда. *Alles ist vorbei*¹. — Он по-

¹ Всё в прошлом (нем.).

вернулся к фотографиям, лежащим на столе, и еле заметно улыбнулся, словно смотреть на них доставляло ему удовольствие. Видимо, потому, что ему больше не надо бояться и защищаться от врагов, подумала она.

— Хорошо, дед.

Они почти одновременно услышали звук шагов, доносившийся из соседней комнаты, и успели отодвинуться от стола, прежде чем бабушка Доррит оказалась на пороге между стеллажами и вперилась в них взглядом.

— Что тут происходит? — грубо поинтересовалась она и схватила Доррит за руку, обругав обоих. — Доррит тут совершенно не место, Фрицль, разве мы не обсуждали это?

— *Alles in Ordnung, Liebling*¹. Доррит только что зашла и уже собиралась уходить. Правда, малышка? — мягко обратился он к девочке, в то время как взгляд его стал холодным. «Молчи, если не хочешь скандала» — так она поняла этот взгляд, а потому кивнула и послушно подчинилась, когда бабушка потащила ее в кабинет.

В тот момент, когда они выходили из комнаты, Доррит обратила внимание на то, что плоскость стены вокруг дверного проема тоже не пустовала. По одну сторону двери висел большой красный флаг с крупным белым кругом по центру, основную площадь которого занимал черный крест причудливой формы. По другую сторону красовался цветной портрет дедушки — он стоял, высоко подняв голову и вытянув правую руку вверх под углом.

«Такое я точно никогда не забуду», — подумала девочка впервые в жизни.

* * *

— Не бери в голову то, что сказала бабушка, и уж тем более то, что ты видела в комнате деда! Обещаешь, Доррит? Это все вздор.

Мать просовывала руки Доррит в рукава пальто, опустившись перед ней на корточки.

¹ Всё в порядке, дорогая (нем.).